

соотнесение с “субъектным” подходом, целостностным взглядом на человека (он присутствовал в “раннем творчестве” Выготского, но потом пропал [4, 8, 12]). Любой член семьи, даже новорожденный – субъекты: этот тезис имеет чрезвычайно важное значение для семейной терапии (его следовало бы еще дополнить пониманием семьи в целом как тоже субъекта). Все члены семьи самодостаточны и в этом равны друг другу. “Субъектности” каждого члена семьи и семьи в целом может быть поставлено в соответствие представления современной семейной терапии (Ф. Волш) о “сопротивляемости семьи”, “психологическом потенциале семьи” (“family resilience”), а также понимание “субъектности” психотерапевта, работающего с семьей. Психотерапевт не может дать семье больше, чем ее члены могут сделать друг для друга, он лишь способствует запуску позитивного семейного механизма; например, как это происходит при использовании “нарративных подходов” в ходе “ко-текстирования элементов семейной культуры” (В. Зельцер).

Здесь семейный терапевт напоминает, по словам классика семейной терапии К. Витакера, Волшебника Страны Оз: героиня этой сказки Л. Баума Дороти и ее друзья решили, что только Волшебник может избавить их от проблем. Но в действительности они во всех ситуациях опирались на собственные ресурсы, в том числе и на те, которые они обнаруживали в их социально-культурном окружении и находили адекватные решения самостоятельно, правда часто не отдавая себе в этом отчет. Волшебник же был всегда рядом, не вмешиваясь в их жизнь (позиция “вненаходимости”, по М.М. Бахтину), но оставаясь в “центре своей собственной жизни”.

Таким образом, на примере такой конкретной области психологического знания, как психологическая помощь семье и семейная терапия, можно показать: творческое взаимодействие (посредством дискуссии, диалога, в том числе и “через границу”) теоретико-психологических подходов может оказаться очень конструктивным и полезным. Кроме того, “диалог концепций” может иметь и позитивное социально-нравственное значение для повышения роли теории психологии вообще и научно-психологической критики в частности.

Необходимо также осмыслить и преодолеть и то катастрофическое бедственное положение, при котором отечественные теоретики психологии (а их не так уж много!) слушают себя, но не друг друга; когда психологической теорией не только мало занимаются исследователи, но она

не популярна у студентов, а новые практическими-ориентированные психологические журналы часто отказываются публиковать теоретические статьи, как не имеющие спроса у читателей. Однако психологическое сообщество не будет полноценным без голоса психологической теории. Вот почему так актуальны публикация книги М. Коула и критические отклики на нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва–Воронеж, 1996.
2. Брушлинский А.В. О природных предпосылках психического развития человека. М., 1977.
3. Брушлинский А.В. Деятельность и опосредствование // Психол. журн. 1998. № 6. С. 1–9.
4. В поисках Выготского (материалы обсуждения книги М.Г. Ярошевского “Л.С. Выготский: в поисках новой психологии”) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 4. С. 57–58.
5. Коул М. Культурно-историческая психология / Пер. с англ. М., 1997.
6. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.
7. Шапиро А.З. Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных взаимоотношений // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 45–55.
8. Шапиро А.З. Духовно-религиозные мотивы в жизни и творчестве Л.С. Выготского // Московский Психотерапевтический Журнал. 1996. № 4(16). С. 146–147.
9. Шапиро А.З. Л.С. Выготский, современная социобиология и семейная психология // Культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образования. Тезисы Международной конференции. М., 1996. С. 179–180.
10. Shapiro A. Family therapy and psychological theory interconnections: indifference or collaboration? Is there a need for theoretical family psychology? // The International Connection. 1997. V. 10. № 2. P. 7–11.
11. Shapiro A. The concept of positivity in family therapy and the task of psychological assistance to the contemporary Russian family // J. of Russian and East European Psychology. 1997. V. 35. № 6. P. 73–92.
12. Shapiro A. L.S. Vygotsky's “Hamlet Period”: The turning point. “Vygotsky in theory—Vygotsky in practice / Proceedings from the Vygotsky Seminar in Trondheim 1996”. Trondheim, Norway. 1997. P. 23–28.
13. Shapiro A. Family psychology and L.S. Vygotsky's concept of “the social situation of development”. “Vygotsky in theory—Vygotsky in practice” / Proceedings from the Vygotsky Seminar in Trondheim 1996”. Trondheim, Norway 1997. P. 29–32.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ*

© 1999 г. И. В. Блинникова

Ст. науч. сотр. лаб. когнитивных процессов Института психологии РАН

Эта книга вызвала значительный интерес отечественных психологов. А.В. Брушлинский откликнулся на нее статьей "Деятельность и опосредствование" и предложил продолжить дискуссию в данном направлении [1].

Настоятельная необходимость в интеграции

Что ж, эту работу можно рассматривать прежде всего как попытку интеграции психологического знания, а то, что интеграция необходима, с каждым днем становится все более ясным. В психологии накапливаются и накапливаются разнородные данные и факты, множатся теории, конструируются искусственные языки. Дж. Клакстон описывает психологов как "обитателей тысяч островов, расположенных в одной части океана, но не имеющих сообщения друг с другом" [2, с. 251].

М. Коул проделал огромную работу, попытавшись проанализировать факты, полученные как в социо- и этно-культурных исследованиях, так и в области экспериментальной психологии и психологии развития. Он устанавливает сообщение между "островами" очень отличающихся друг от друга теорий, таких, как концепции схем, теории модулярности Дж. Фодора, теории развития Ж. Пиаже и многих других подходов. К сожалению, соединение ряда теоретических постулатов остается часто механистичным.

Для нас прежде всего интересно то, что Коул строит своей теоретический конструкт на основе переосмыслиния и интеграции разработок западных и российских психологических школ. В настоящий момент основные положения психологической теории деятельности и культурно-исторической концепции Выготского все больше ассимилируются в западной традиции. Однако многие аспекты этих теорий упрощаются и недопонимаются, во-первых, из-за сложностей перевода с русского, во-вторых, из-за фрагментарности переводов. К сожалению, многие работы остаются недоступными для западного читателя¹, так же как и вся широта полемики по тому или другому вопросу. Тем не менее, для развития нашей психологии необычайно важен этот взгляд

со стороны. Он позволяет вновь поставить вроде бы давно решенные и забытые вопросы, вернуться к рассмотрению критических моментов наиболее фундаментальных построений отечественной науки.

Проблемы когнитивной психологии в ракурсе культурно-исторической психологии

В центре внимания Коула – когнитивные процессы и умения, которыми овладевает человек в ходе обучения. Он рассматривает процессы восприятия, памяти, мышления, их фило- и онтогенез и пытается понять, как на них влияет культура.

Как отправную точку своих рассуждений Коул выбирает психологию В. Вундта и его разделение психических процессов на два класса: элементарные и высшие, и психологической науки на две подсистемы: физиологическая психология и психология народов. Две ветви психологии предполагали использование разного понятийного и методологического аппарата. Майкл Коул считает, что дальнейшее развитие психологии в западной традиции шло по пути "первой психологии" Вундта и хотя его "вторая психология" не была полностью забыта, но свое истинное развитие она получила только в Советском Союзе в направлении, разрабатывавшемся Л.С. Выготским, А.Р. Лурией, А.Н. Леонтьевым. Именно это направление вбирает в себя обе стороны психологии Вундта. Здесь необходимо подчеркнуть, что указанное направление с самого начала ставило своей задачей преодоление существующего в исследований психического дуализма, для ее решения было выдвинуто несколько важных принципов, в частности, принципы опосредствованности, интериоризации, структурного единства внутренней и внешней деятельности, уровневого строения сознания.

Коул в своем анализе сосредоточился на механизмах опосредствования и примате практической деятельности и социального взаимодействия в развитии когнитивных умений. Он полагает, что влияние культуры на когнитивные процессы осуществляется через контекст, который, в свою очередь, задается практической деятельностью. Деятельность необходимо включает инструменты – орудия культуры, а идеальными, внутренними инструментами когнитивных процессов являются схемы (в самом широком понимании этого термина). Схемы задают внутренний контекст пе-

*Рец. на кн.: М. Коул, "Культурно-историческая психология. Наука будущего", Москва: Когито-Центр, 1997.

¹Например, работы С.Л. Рубинштейна практически неизвестны на Западе.

реработки информации, опосредуя ее и обеспечивая механизм отбора.

В данном случае процесс опосредствования осуществляется внешне через социокультурный контекст, а внутренне – через схемы. Понимание схемы как орудия опосредствования совершенно меняет ракурс рассмотрения этой проблемы. Схемы как механизмы отбора информации не являются прерогативой специфически человеческих высших психических функций. Такого рода опосредствование (более или менее сложное) существует и на более низких уровнях развития психического. Это согласуется с более широким пониманием опосредствования Брушлинским. С одной стороны, это позволяет преодолеть разрыв между натуральными и высшими психическими функциями, поскольку становится ясным, что механизм опосредствования существовал задолго до появления последних. С другой стороны, смазывается принципиальное различие между первыми и вторыми. Для российской психологии это различие пролегало по границе сознания, возможностей целенаправленной деятельности, владениями своими психическими процессами и поведениями. Для Коула принципиальным отличием является наличие культурно-исторического контекста.

Односторонность влияния культурно-исторического контекста видна и при попытке ассилировать модель Дж. Фодора. Коул предполагает, что культурные контексты опосредуют связь между модулями и центральным процессором, они выступают как фильтры переработки информации. Здесь Коул остается верным идеи Вундта о поэлементном анализе поступающей информации. Однако, вводя принцип переплетения культурных и природных механизмов, он не уделяет достаточно внимания двусторонней направленности процесса взаимодействия субъекта с миром, будь то практическая деятельность или познание. Преобразуя среду, человек преобразуется сам. Психологические средства не являются лишь фильтрами информации, они активно преобразуют процесс познания от первых до самых высших его этапов.

К сожалению, Коул не останавливается всерьез на проблемах интериоризации, он лишь имплицитно полагает, что социокультурный контекст, реализуемый в практической деятельности, воплощается в схемах. Однако в его книге присутствует множество очень интересных фактических данных антропологии, которые противоречат классическим принципам интериоризации. В частности, он приводит схему М. Дональда, которая выстраивает когнитивную эволюцию в движении практически противоположному схеме интериоризации: сначала возможность представить события иным образом, нежели они происходили в действительности, затем появляется язык, свя-

занный с мифической культурой, и на последнем этапе – внешние символы. В свете этих данных было бы очень интересно переосмыслить этот постулат и роль психологических средств на пути становления сознания.

Культурно-историческая психология или теория артефактов?

Впервые столкнувшись с тем, что на английский термин Выготского “психологические орудия” был переведен как “artefact”, я была озадачена. Конечно, Выготский писал: “психологические орудия – искусственные образования; по своей природе они суть социальные, а не органические или индивидуальные приспособления” [3], но почему нельзя было перевести точно “psychological tool”? Теперь этот термин вернулся к нам через ретрансляцию с английского и оказался прочно привязанным к теории Выготского. В термине “артефакт” делается упор на искусственности. Действительно, “artefact” – это “орнамент, орудие или другой объект, сделанный человеческим существом”, но явно ощущается археологический и антропологический оттенок этого термина, возникшего в поисках следов культуры в напластованиях природных элементов. В экспериментальной науке это слово носит несколько негативный характер – это факты, полученные *искусственно*, т.е. в результате некорректной постановки эксперимента, факты, которые нигде, кроме данного эксперимента, не существуют и с трудом воспроизводятся, которые часто возникают *случайно*, из-за того, что исследователь не учитывает тех или иных факторов, ставит испытуемого в *искусственные условия*. Совершенно очевидно, что для Коула этот термин имеет особый смысл, поскольку он находится в поисках “культуры” в психических процессах, ищет путь ко “второй” психологии, противоположной существующим экспериментальным парадигмам, для него важным является “искусственное формирование” психических процессов в искусственных ситуациях.

Во второй главе книги представлены кросскультурные исследования, которые начинаются с изложения результатов экспериментов, проведенных в 1895 году экспедицией Кэмбриджского университета, и критику этих работ Э.Б. Титченером, который посчитал, что исследование было проведено некорректно. Следовательно, полученные данные можно рассматривать как “артефакты”, “созданные” в искусственных условиях эксперимента. Коул полагает, что любые исследования европейцами народов традиционных культур грешат этим недостатком, поскольку не используют естественный социокультурный контекст. Следуя его логике, можно утверждать, что реальные жизненные процессы собственно и являются “артефактами” для традиционной экспе-

риментальной психологии. Для Коула подобный “артефакт” – реальная жизнедеятельность субъекта – является собственно предметом рассмотрения. Он бережно относится к артефактам, как предметам культуры, конструктам закрепления социокультурного опыта, будь то материальные орудия, традиционные способы деятельности или схемы и скрипты. И квинтэссенцией его теоретических построений является эксперимент *искусственного формирования когнитивных навыков с помощью суперискусственных средств (новых технологий) – компьютерных программ*. Поэтому артефакт – это слово, которое полностью вбирает всю сущность его подхода.

Однако одновременно с этим происходит подмена понятия теории Выготского, который говорил не об артефактах, а о психологических орудиях, средствах и знаках. На первых этапах своей работы Выготский резко противопоставил “натуралистические” и “культурные” психические процессы². Однако необходимо учитывать тот исторический контекст, в котором он создавал свою теорию. Ему приходилось отстаивать свои принципы в полемике с мощными рефлексологическими школами и поэтому делать акцент на социальных или “искусственных” аспектах формирования высших психических функций. Однако его доклад, цитатами из тезисов к которому я пользуюсь, называется “Инструментальный (*а не искусственный*) метод в психологии” [3]. Вводя понятие психологического орудия, он подчеркивал его инструментальный, преобразующий характер. Психологические орудия преобразуют естественные психические функции, переводят на качественно новый уровень развития, а суть этого нового уровня состоит в “овладении собственными психическими процессами” [там же].

К сожалению, именно этот аспект сознательного управления, контроля, организации собственного поведения и психических процессов ускользает от Коула. Поэтому представители традиционных культур оказываются в рамках его теории в труднопреодолимой зависимости от их природно-культурного контекста, от традиционных видов деятельности.

Пытаясь преодолеть идею надстройки “культурных” процессов над “натуральными”, он предлагает модель их очень раннего переплетения в сочетании с принципом “готовых структур” Л. Резник. Готовые структуры являются одновременно биологическими и социальными, а “индивидуи развивают свои способности специфичным для данной области способом и в любой ситуации на основе своих *готовых структур*” (курсив мой. – И.Б.) (Коул, с. 243). Понятие “гото-

вые структуры” можно понимать очень по-разному, но по прочтении данной главы не оставляет ощущение заданности и предопределенности развития человека не только в биологическом, но и в социо-культурном плане: биологически реализуются генетические программы, а культурно-исторически – “сценарии родителей”. Однако, к счастью или несчастью для человечества, сценарии родителей реализуются не всегда, и, видимо, поэтому мы сейчас живем не в обществе “традиционной культуры”.

Активность субъекта и опосредствование

Майкл Коул в своей попытке интегрировать множество направлений в современной психологии, найти точки соприкосновения между западной и восточными традициями упускает, пожалуй, одно из самых важных положений теории деятельности – принцип активности субъекта, который отстаивается в рамках теории деятельности А.Н. Леонтьева и его последователей. Было введено даже понятие “над ситуативная активность”, которая является неадаптивной по своей природе тенденцией действовать над порогом внутренней и внешней необходимой ситуативности (или заданного контекста в терминологии Коула). Особое значение активности субъекта придается в субъектно-деятельностном подходе, активно развивающем в настоящее время Брушлинским, где акцент делается на субъекте, его характеристиках, целях, мотивах, интересах. Тезис Рубинштейна “внешнее воздействует через внутреннее” предполагает: ни в коем случае нельзя пренебрегать субъективными характеристиками в пользу любых внешних влияний, даже социокультурного контекста.

Сознательная активность субъекта невозможна без опосредствования его деятельности. Описывая процесс культурно-исторического развития психической функции на примере опытов по запоминанию, Выготский отмечал, что на первом этапе для повышения эффективности запоминания слов экспериментатор предъявлял ребенку картинки, на втором этапе ребенок уже сам выбирал соответствующие картинки (поворот орудия на себя), а на третьем – механизм опоры на искусственное средство вращался внутрь и необходимость в картинках отпадала. Стоит подчеркнуть важность второго этапа – самостоятельного использования средства, – без него не происходит важного процесса преобразования психических функций.

Психологические орудия используются для овладения психическими процессами или их осознания. Именно поэтому Выготский полагал достаточно позднее преобразование психических функций. Коул критикует Выготского за непонимание того, что “культурная и природная линия

² Этот слабый момент в теории Л.С. Выготского не раз подвергался критике [4], и она продолжает воспроизводиться в современной психологической литературе [1].

развития... проникают друг в друга уже задолго до освоения языка" (стр. 245). В данном случае происходит, на мой взгляд, не совсем корректное понимание позиции Выготского из-за неточности употребляемых им терминов.

Высказанные замечания не снижают значения книги Майкла Коула для российских психологов. Кроме несомненно интересного фактического материала и описания собственных формирующих экспериментов, присутствует обсуждение параллелей в развитии теории деятельности и теорий опосредования в российской и западной традициях, демонстрируются еще не исчерпанные

продуктивные возможности этих теоретических парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брушлинский А.В. Деятельность и опосредование // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 6. С. 118
2. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во МГУ, 1982.
3. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 103–108.
4. Леонтьев А.Н. О творческом пути Л.С. Выготского // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 9–41.

НАМ ПИШУТ

ОБ ОДНОЙ "БИБЛИО-ПОЛИ-АБРАКАДАБРИЧЕСКОЙ КРЕАЦИИ"

Словари – энциклопедические, толковые, специальные – моя страсть. Любую работу я начинаю с них и каждый раз мысленно благодарю авторов, которые, как правило, многие годы (редко в одиночку) тратят на их создание.

Поэтому почти не глядя приобрел импозантно выглядящий "Современный словарь по психологии. Автор-составитель В.В. Юрчук. "Современное слово". Минск, 1998. 768 с.". Будучи озабочен в последние годы вечным вопросом: "Что есть человек?", я открыл словарь и узнал, что: "Человек – это индивид – существо, кот. отражает–воплощает–парадигмоизирует–эйдетикоизирует апикально–высшую ступень эволюции бытия–онтоса–экзистенции; это субъект культурно–социально–онтологическо–исторической деятельности; как продукт и субъект деятельности–активности в социуме–экстеросреде человек рассматривается как система–модель, детерминационные феномены которой выступают–инкарнируются как матрицы–формы генезисо–биологических, эволюционно–социальных факторов, образующих–аддитивирующих–суммирующих синкетическую целостность–единство, субъект–индивиду–человек постоянно подключен–аггломецирован–рассматриван к другим субъектам, к дифференциально–онтологически–социальным связям– отношениям, кот. складываются–формируются–эволюционизируются в процессе его трудовой деятельности, в коммуникативных факторах, в его креативно–гностических психических их феноменах, коррелируемых с познанием мира, бытия, социума" (с. 736).

И все в таком духе. Невыносимо сложно для обычного доктора психологических наук, но,

очевидно, вполне понятно для себя делится психологическими знаниями на всем пространстве словаря "с широким кругом читателей" В.В. Юрчук, "соавтор А.Н. Леонтьева", поскольку "соавтором" концептуально определяется как "модернизированно–редуцированно–субстанциональная моделеструктура деятельности" (с. 303). Кроме того, "отеч. рус. псих." В.В. Юрчук – единоличный творец "оригинально–научной социоонтологическо–нейропсихофизиологической концепции поведения субъектов", которая излагается далее столь же "оригинально–научно" на с. 762. Желающие более подробно ознакомиться с разработанной автором концепцией, могут помимо словаря обратиться и к другим недавним его, не менее фундаментальным произведениям (с. 762); из которых, судя по всему, и выросла сама концепция: "Жизнь, общение мужчины с женщиной" (1996), "Женское искусство обольщать и околдовывать мужчин" (1997).

Минское издательство "Современное слово", выпустившее словарь тиражом 11 тыс. экземпляров, утверждает в аннотации почти как Минздрав, что словарь "...будет полезен людям любого возраста". Хорошо бы это было проверить, так же как и иные сильно действующие психотропные препараты *до того*, как пускать их в обращение. Поэтому я и предупреждаю людей со слабой психикой независимо от возраста и образования: не надо рисковать! Хотя кто знает, ведь слово–то ультрасовременное...

*П. Шихирев,
докт. психол. наук, Москва*